

ГЛАВА 1. КОННЛА И ВОЛШЕБНАЯ ДЕВА

Источник. Древнеирландская сказка «Приключения Коннлы Красного, сына Конна Ста Битв» (Echtra Condla chaim maic Cuind Chetchathaig) из «Книги Бурой Коровы» (Leabhar na h-Uidhre), вероятно, была записана до 1106 года* — времени, когда Маэл Муйре мак-Келехайр (Mael Muidhe mac Ceilechair) — писец, оставивший эту рукопись, — был убит. Оригинал приведен Виндишем в его «Ирландской грамматике» (Irish Grammar), а также в «Переводах Археологического общества Килкенни» (Trans. Kilkenny Archæol. Soc.) за 1874 год. Фрагмент встречается в рукописи Роулинсона, описанной доктором У. Стоуксом в его труде «Трехчастное житие святого Патрика» (The Tripartite life of Patrick, 1887). Я использовал перевод профессора Циммера из второго тома его сборника «Кельтский вклад» (Keltische Beitrage), а также его статью в «Журнале немецких древностей» (Zeitschrift für Deutsches Altertum). Несколько витиеватая версия этой сказки встречается у доктора Джойса в его «Старинных кельтских повестях» (Old Celtic Romances), из которых я позаимствовал пару фрагментов. Я ничего не сокращал и не добавлял, кроме финальной фразы в последнем высказывании волшебной девы. Часть оригинала написана в метрической форме, так что в целом она относится к жанру *cante-fable*** , который, как я полагаю, является оригинальной формой народной сказки.

* К самому началу XII века относят составление «Книги бурой коровы», а сама сказка была записана еще раньше, в VII–VIII веках, и входила в несохранившуюся рукопись «Книга Друим Снехта», а еще ранее бытовала в устной форме. *Прим. науч. ред.*

** *Cante-fable* (шанте-фавль) — термин, обозначающий устное прозаическое повествование, перемежающееся с короткими песнями.

Параллели. В статье профессора Циммера содержатся три других рассказа о Terra Repromissionis* в ирландских сагах, один из которых — похожее приключение Кормака, племянника Коннлы, или Кондлы Красного, как его следует называть. Волшебное золотое яблоко встречается в истории «Владения Мананнана» о приходе Кормака Мак-Арта в Страну вечной юности, например в книге А. Ната «Святой Грааль».

Комментарии. Конн Ста Битв правил Ирландией в 123–157 гг., согласно «Анналам четырех мастеров»**. В день его рождения были проложены пять больших дорог из Тары во все уголки Ирландии: одна из них, ведущая из Дублина, используется до сих пор. Говорят, что в его честь была названа провинция Коннахт (Connacht), но это не согласуется с мнением Джойса, который в книге «Названия ирландских мест» (Irish Names and Places) отождествлял с этой местностью Нагнатай*** у Птолемея. Впрочем, не может быть никаких сомнений в существовании Конна как могущественного правителя Ирландии во II веке. Историческое существование Коннлы, похоже, также подтверждается ссылкой на него как на Конли — старшего сына Конна — в «Анналах Клонмакнойса»****. Поскольку Конну наследовал его третий сын, Арт Одинокый, Коннла либо был убит, либо по другой причине исчез еще при жизни своего отца. При таких обстоятельствах не исключено, что наша легенда возникла

* *Terra Repromissionis* — визионерская земля обетованная в раннесредневековой ирландской традиции. Она представлялась необитаемой плодородной территорией, островом посередине большой реки. В основе образа лежал реальный географический объект — Ирландия, которая играла важнейшую символическую роль в теологии паломничества.

** «Анналы четырех мастеров» (*Annals of the Four Masters*) — хроники средневековой истории Ирландии, написанные на ирландском языке.

*** *Nagnatai* (*Нагнатай* или *Магнатай*) — название местности на западе Ирландии, которое встречается в описании, данном Птолемеем в его «Географии».

**** «Анналы Клонмакнойса» (*Annals of Clonmacnoise*) — средневековый источник истории Ирландии с древнейших времен до 1408 года.

«Анналы четырех мастеров». Иллюстрация Майкла О'Клери, 1846 г.

в течение столетия после правления Конна, то есть во второй половине II века*.

Что касается сказки в ее нынешней форме, то профессор Циммер относит ее к VII веку. Ее исходный текст был явно подправлен христианской рукой, в результате чего появились

* Такое мнение в самом деле существовало в то время, когда жил автор-составитель данного сборника. Современные же историки считают Конна легендарным персонажем. Большую часть верховных королей Ирландии, правивших, согласно «Анналам», до V века, принято считать легендарными или полуполулегдарными. *Прим. науч. ред.*

ссылки на день Страшного суда и на убывающую силу друидов. Но все это ничего определенно не доказывает, так что вполне вероятно, что даже нынешняя форма этой легенды по большей части является дохристианской, то есть относится к Ирландии до V века*.

Таким образом, историю Коннлы можно считать самой ранней народной сказкой современной Европы. Помимо ее значения как литературного памятника, она также содержит первое упоминание об одной из ключевых кельтских концепций — о рае земном, острове юности, или Тир на н-Ог**.

Этот образ глубоко запечатлелся в европейском воображении; в легендах о короле Артуре он трансформировался в долину Авалона, а в целом — стал важной частью кельтских представлений о загробной жизни, что впоследствии оказало влияние на формирование литературных сюжетов, включая «Божественную комедию» Данте. Я также полагаю, что гоме-ровские Геспериды и острова Блаженных у древних могли иметь кельтское происхождение (как хорошо известно, ранние топонимы Европы восходят именно к кельтским корням). Кажется, я нашел упоминание об этой концепции в одном из ранних классических отрывков, посвященных друидам. Марк Анней Лукан в своей «Фарсалии» обращается к ним с такими выражениями глубокого почтения:

*Вы же, друиды, опять с окончанием войны возвратились
К богослужениям злым и к варварским вашим обрядам.
Вам лишь дано познавать богов и небесную волю
Или не ведать ее; вы живете в дремучих дубравах,*

* Считается, что христианство пришло в Ирландию в 432 году благодаря миссионерской деятельности святого Патрика.

** *Тир на н-Ог (Tír na n-Óg)* — в кельтской мифологии остров юности, страна вечной молодости — место, в котором все, по преданию, оставались молодыми, где нет болезней, всегда хорошая погода, нет голода и боли.

Святой Патрик.

Иллюстрация из «Нюрнбергской хроники» Хартмана Шеделя, 1493 г.

*Где не сияют лучи: по учению вашему тени
Не улетают от нас в уют молчаливый Эреба,
К Диту в подземный чертог: но тот же дух управляет
Телом и в мире ином; и если гласите вы правду,
Смерть посредине лежит продолжительной жизни. Народы
Северных стран в ошибке такой, должно быть, блаженны*.*

Мне кажется, этот пассаж достаточно открыто выражает иную концепцию, нежели обычные классические представления о загробной жизни призраков на мрачных равнинах Эреба, и хорошо согласуется с концепцией продолжения юности (*idem spiritus*) в Тир на н-Оге (*orbe alio*).

Одной из самых трогательных, прекрасных и типичных сцен в ирландском эпосе является возвращение Оссиана из Тир

* В переводе Л. Остроумовой.

на н-Ога и его беседа со святым Патриком. Старая и новая веры, ушедший порядок и пришедшая ему на смену эпоха сходятся в двух знаковых фигурах ирландской легенды, причем Патрик здесь так же легендарен, как и сам Оссиан.

Оссиан отправился в Тир на н-Ог с феей Ниам почти при таких же обстоятельствах, как и Кондла Руад; в стране вечной юности время летит со страшной скоростью, и, когда Оссиан, думая, что отсутствовал всего год, возвращается обратно, оказывается, что в реальном мире минуло три века. Святой Патрик уже ввел новую веру. Контраст между Прошлым и Настоящим никогда не был представлен более ярко и красиво.

Конлла Красный был сыном Конна Ста Битв. Однажды, стоя рядом со своим отцом на вершине холма Уснех*, он увидел приближающуюся к нему девушку, одетую в странные одежды.

«Откуда ты пришла, дева?» — спросил Конлла.

«Я пришла с равнин вечноживущих, — сказала она, — оттуда, где нет ни смерти, ни греха. Там у нас царит вечный праздник, и мы, пребывая в нашей радости, не нуждаемся в чьей-либо помощи и ни с кем не враждуем. И поскольку нашими домами являются круглые зеленые холмы, нас называют народом холмов».

* Холм Уснех — это один из сакральных центров Ирландии, он находится практически в ее географическом центре. Согласно археологическим данным, люди поселились рядом еще в неолитические времена. На склонах холма есть мегалитические и погребальные сооружения, священные источники. Холм считается местом, где собирались для своих ритуалов ирландские друиды. Современные неоязычники празднуют на холме Уснех Бельтейн, кельтский праздник начала лета. *Прим. науч. ред.*

Друиды старой Англии. Иллюстрация из книги «Картины английской истории: от древнейших времен до наших дней» Джозефа Мартина Кронхайма, 1868 г.

Король и все, кто был с ним, очень удивились, услышав ее голос, ведь они ее не видели. Никто не видел эту фею, кроме Коннлы.

«С кем ты разговариваешь, сын мой?» — спросил король Конн. Но ответил не он, а та юная дева:

«Коннла говорит с молодой прекрасной девушкой, которая не подвластна ни смерти, ни старости. Я люблю Коннлу и зову его пойти в Медвяные луга, в Мои Мелл, где вечно правит Боадаг, и эта земля не знала ни печалей, ни жалоб с тех пор, как он стал там королем. О, пойдем со мной, Коннла Красный, как рассвет, румяный с твоей смуглой кожей. Тебя ждет волшебная корона,

чтобы украсить твоё прекрасное лицо и королевское тело. Пойдем туда, где никогда не померкнут ни твоя красота, ни твоя юность — до последнего дня, до Страшного суда».

Испугавшись этих слов девы, которые он услышал, хотя и не мог видеть её саму, король громким голосом позвал своего друида по имени Коран.

Он сказал:

«О Коран, подвластны тебе множество заклинаний и искусство магии, я взываю к твоей помощи. Передо мной стоит задача, слишком трудная для всех моих сил и моего ума, более великая, чем любая другая, которая была на меня возложена с тех пор, как я обрел королевский сан. Невидимая дева встретилась нам, она своей волшебной силой хочет отнять у меня моего дорогого, моего прекрасного сына. Если ты не поможешь, он будет похищен у твоего короля с помощью женских уловок и колдовства».

Тогда друид Коран вышел вперед и пропел свои заклинания, направляя их в то место, откуда доносился голос девушки. И после этого никто больше не услышал её голоса, а Коннла не видел её больше. Но перед тем как исчезнуть, повинувшись могущественному заклинанию друида, она бросила Коннле яблоко.

Целый месяц с того дня Коннла ничего не пил, не ел, кроме одного этого яблока. Но оно всегда оставалось целым: когда он его съедал, оно вновь становилось целым. И все это время росли в Коннле томление и могучая тоска по увиденной им в тот день деве.

Но когда настал последний день месяца ожидания, Коннла — на равнине Аркомин — встал рядом со своим отцом-королем и увидел, как к нему подходит та девушка. И она снова заговорила с ним:

«Это воистину славное место, которого Коннла держится, находясь среди преходящих смертных, живущих в ожидании дня своей смерти. Теперь же народ жизни, живущие вечно, умоляют и приглашают тебя прибыть в Мои Мелл, на равнину

наслаждений, ибо они научились узнавать тебя, видя тебя в твоём доме среди твоих близких».

Король Конн, услышав голос той девы, снова обратился к своим людям:

«Призовите скорее ко мне моего друида Корана, ибо я вижу, что сегодня она снова обрела дар речи, которая есть её сила».

Тогда дева сказала:

«О могучий Конн, воин, прошедший через сотню битв, друид силен, но его силу не почитают в могучей стране, где живет столь много благочестивых праведников. Когда наступит царство высшего закона, то с магическими заклинаниями, исходящими из уст лживого черного демона-друида, будет покончено».

Тогда король Конн вспомнил, что с тех пор, как Коннлу явилась дева, его сын не отвечал на обращения тех, кто пытался с ним заговорить. И Конн Ста Битв спросил сына:

«По душе ли тебе то, что говорит эта женщина, сын мой?»

«Тяжко мне, — ответил Коннла. — Я люблю свой народ больше всего на свете, но и тоска по этой девушке все же захватывает меня всего».

Когда дева услышала эти слова, она сказала:

«Сам океан не так силен, как волны твоей тоски. Пойдем же со мной по морю в моем куррахе*, в сверкающем и свободно скользящем по водам хрустальном челне. Тогда мы скоро сможем достичь царства Боадага. Я вижу, как садится ясное солнце, но, как бы далеко это царство ни было, мы можем достичь его еще до наступления темноты. Есть и другая земля, достойная того, чтобы ты к ней отправился, — место радости для всех тех, кто ее ищет. Там живут только жены и девушки. Если ты возжелаешь, мы можем отыскать ее и зажечь там в радости вместе».

* *Куррах* (*curragh*) — традиционная ирландская и шотландская лодка среднего или большого размера, отличающаяся тем, что в ее основе находится деревянный каркас, который обтягивается кожей или шкурами животных.

Коннла и волшебная дева. Иллюстрация Джона Д. Бэттена из книги Джозефа Джекобса «Кельтские сказки», 1892 г.

Когда дева смолкла, Коннла Красный ринулся к ней — прочь от своих сородичей, запрыгнул в ее куррах — в сверкающее, вольно скользящее хрустальное судно. А затем король и его придворные увидели, как челн заскользил по светлому морю, стремясь к заходящему солнцу, все дальше и дальше, пока не скрылся из виду. Так Коннла и волшебная дева исчезли в море, и больше их никто не видел, и никто не знал, куда они направились.

ГЛАВА 2. ПОЛЕ АМБРОЗИИ

Источник. Т. Крофтон Крокер «Легенды и предания юга Ирландии» (Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland). В оригинале гном упоминается как Клурикон (Cluricaune)*, но, поскольку один друг мистера Баттена недавно услышал историю о лепреконе, я решил использовать тут более известное слово для описания этого маленького человечка.

Комментарии. Согласно доктору Хайду, слово lepracaun — лепрекон — происходит от ирландского leith bhrogan, дословно — «один сапожник» (для сравнения: английское слово brogue — броги). Лепрекона обычно видят (и по сей день) работающим над одним башмаком (см. короткий рассказ Крокера «Маленький башмачок», Little Shoe). Согласно одному автору журнала «Кельтское обозрение» (Revue Celtique), на самом деле это слово происходит от luchor ran — «маленький человек». Доктор Джойс также приводит ту же этимологию в своей работе «Названия ирландских мест», где он упоминает несколько мест, названия которых перекликаются с этими словами.

* Клурикон — это вредный дух, обычно населяющий пивоварни и винные погреба. Может вознаградить за правильное поведение, но чаще пакостит. Некоторые фольклористы считают, что Клурикон — это пьяный лепрекон, другие — что это региональный вариант того же существа. *Прим. науч. ред.*

В один прекрасный день в пору сбора урожая, в праздник Благовещения, который, как все знают, является одним из величайших праздников в году, Том Фицпатрик, прогуливаясь по своим землям, шел вдоль ярко освещенной солнцем изгороди. И вдруг чуть впереди он услышал в ней какой-то треск и щелчки.

«Боже мой, — сказал Том, — но разве не удивительно слышать, как эти маленькие черноголовые чеканы так поют в это время года?»

Том на цыпочках двинулся дальше, чтобы попытаться разглядеть, кто или что издает эти звуки, и проверить, прав ли он в своей догадке. Но звуки стихли. Когда же Том пригляделся, то сквозь кусты он увидел, как в укромном месте в углу изгороди стоит коричневый кувшин примерно на полтора галлона, в котором явно плещется что-то спиртное. А потом появился какой-то маленький-маленький старичок в маленькой треуголке на своей макушке, в бледно-сером кожаном фартучке; он откуда-то вытащил маленькую деревянную табуретку, поставил ее перед кувшином, встал на нее, затем окунул в кувшин маленькое-премаленькое ведерко, зачерпнул им тот напиток и поставил ведерко у табуретки. Затем он сел рядом с кувшином и принялся приделывать каблук к башмачку, который был ему как раз по размеру.

«Бог мой, — подумал Том, — я часто слышал рассказы о лепреконах и, по правде говоря, никогда не верил в них по-настоящему, но вот один из них действительно тут, прямо передо мной. Если с ними вести себя должным образом, то я смогу добиться многого в этой жизни. Говорят, нельзя отводить от них глаза, иначе они исчезнут».

Том прокрался еще немного вперед, не сводя глаз с маленького человечка, — прямо как кошка с мышкой. А когда он подошел к тому совсем близко, то сказал:

«Да благословит твою работу сам Бог, сосед».

Маленький человечек поднял голову и сказал:

Лепрекон. Иллюстрация Уорвика Гобла из «Книги волшебной поэзии», 1920 г.

«Благодарю тебя за доброе слово».

«И почему это ты работаешь в такой праздник?» — спросил Том.

«А вот это мое личное дело и тебя не касается», — был ему ответ.

«Ну, тогда, может быть, ты будешь так добр, что скажешь, что у тебя там в кувшине?» — спросил далее Том.

«Конечно, скажу без проблем, — таков был ответ. — Это хорошее пиво».

«Пиво! — воскликнул Том. — Гром и молния! Откуда же ты его взял?»

«Откуда я взял, кхе? Да я сам его сварил. И как ты думаешь, из чего?»

«Да черт его знает, — сказал Том. — Наверное, из солода, из чего же еще?»

«Да ничего подобного. Я сварил его из вереска».

«Из вереска, да не может такого быть! — Том разразился смехом. — Неужели ты считаешь, что я настолько глуп, что поверю в это?»

«Дело твое, — ответил старичок, — но то, что я тебе говорю, — чистая правда. Разве ты никогда не слышал о датчанах?»

«Хм-м-м, ну и что с ними такого?» — спросил Том.

«Да ведь все, что о них сейчас известно, так это то, что, когда они пришли сюда, они научили нас варить пиво из вереска, и с тех пор этот секрет хранится в моей семье».

«А ты можешь дать кому-нибудь попробовать свое пиво?» — спросил Том.

«Я вот что скажу тебе, мил человек: тебе бы лучше присматривать за хозяйством своего отца, чем беспокоить порядочных и тихих людей всякими глупыми вопросами. Вот, пока ты тут без толку прохлаждаешься, коровы твои прорвались на поле и вытаптывают овес и кукурузу».

Том сильно встревожился, услышав эти слова, и уже хотел было обернуться, но вовремя опомнился. Опасаясь, что в следующий раз может и вправду дать слабину, он сгреб лепрекона в охапку и крепко схватил за руку. В спешке он случайно опрокинул кувшин — все пиво пролилось на землю, и Том так и не узнал, каково оно на вкус. А затем Том пригрозил старичку, что убьет его, если тот не покажет, где запрятаны его деньги. Лицо Тома стало столь свирепым и кровавым, что маленький человек сильно испугался, поэтому сказал:

«Пойдем со мной, пересечем два поля, и я покажу тебе, где горшок золота зарыт».

И они двинулись в путь. Том крепко держал лепрекона за руку и не сводил с него глаз, несмотря на то что им пришлось перебираться через изгороди, канавы и пройти через извилистое болото. Наконец они вышли на большое поле, сплошь поросшее кустиками амброзии*. Лепрекон указал на большой куст и сказал:

* Так ранее называли вереск.

Иллюстрация Джона Д. Бэттена из книги Джозефа Джекобса «Кельтские сказки», 1892 г.

«Под ним копай, и ты найдешь там большой горшок, полный гиней».

В спешке Том не догадался взять с собой лопату, поэтому решил быстро сбегать за ней домой; а чтобы пометить это место, он снял одну из своих красных подвязок и обвязал ею тот куст амброзии.

Затем он сказал лепрекону:

«Поклянись, что ты не снимешь эту подвязку с куста».

Тот немедленно поклялся, сказав, что не прикоснется к ней.

«Полагаю, теперь, — очень вежливо сказал лепрекон, — я тебе больше не нужен?»

«Нет, — ответил Том, — теперь ты можешь идти куда хочешь; и да благословит тебя Бог; и пусть удача сопутствует тебе, куда бы ты ни пошел».

«Ну, прощай, Том Фицпатрик, — сказал лепреконе, — пусть и тебе принесет много пользы твоя находка, когда она будет у тебя в руках».

Том побежал что было мочи домой, схватил лопату и со всех ног помчался обратно к полю амброзий. Но когда добрался туда — о чудо! — все кусты были обвязаны красными подвязками, точь-в-точь как его собственная. И понял тогда Том, что перекопать все поле ему не под силу, ведь простиралось оно больше чем на сорок добрых ирландских акров. И побрел Том домой со своей лопатой на плече, не переставая осыпать того лепреконе множеством проклятий.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

